

УДК 81-112; 801.8
DOI: 10.17223/19986645/73/3

О.А. Казакевич, Г.Н. Старикова

**ИЗ СИБИРИ В КИТАЙ: СПОСОБЫ И СРЕДСТВА
ЛОКАЛИЗАЦИИ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ В НЕЗНАКОМОМ
ПРОСТРАНСТВЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СТАТЕЙНОГО
СПИСКА Ф.И. БАЙКОВА)¹**

Статья посвящена описанию пути из Тобольска в Китай в статейном списке Ф.И. Байкова, представленном двумя вариантами текста середины XVII в. В ходе исследования выявлялись параметры маршрута, характеристики движения посольства и точек его локализации, а также языковые средства репрезентации незнакомого пространства и перемещения в нем. Материал позволил раскрыть тенденции восприятия иноземного и показал зависимость моделей номинации и их лексического наполнения от типа описываемого объекта.

Ключевые слова: статейный список, Китай, XVII в., средства и способы номинации, описание маршрута

Введение в проблему. XVII в., занимающий особое место в истории России и русского языка, называют также временем развития географических знаний: к этому периоду относится поновленная редакция *Книги большому чертежу* (1627), появление поздних списков *Поверстной книги*, содержащей перечень русских городов с указанием расстояния между ними и информацию о «сухих» и «водных» путях (1630-е, 1680-е гг.), других справочников [1, 2]. Среди последних выделяются многочисленные *рописи дороге (пути)* / городам и острогам, получившие позже имя *дорожники (путники)*, содержащие ценные топографические сведения, источниками для которых стали рассказы землепроходцев, торговцев, паломников, а также отчеты государевых посланников о поездках в чужие страны – так называемые *статейные списки*, немалую часть содержания которых занимало описание пути следования посольства, поскольку это официально вменялось в обязанности его главы². В условиях активного установления и развития дипломатических контактов с сопредельными и территориально отдаленными странами роль посольских отчетов в развитии географических знаний, становлении отечественной картографии была значительной. Особую актуальность данный источник приобретал в случаях с экзотическим чужеземьем, совсем еще неизведанными государствами, каковым, несомненно, для русских людей был Китай того времени.

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ, проект № 20-312-90028 «Чужеземная реальность в восприятии русского средневекового человека».

² Более подробно жанровая специфика, лингвистическая содержательность посольских отчетов представлены нами в [3], компилятивные жанры деловой словесности на основе литературы путешествий XVII в. – в [4].

В частности, в *Хождении за три моря* тверской купец Афанасий Никитин оставил о нем лишь короткую и самую общую информацию: *А от Певгу до Чини да до Мачина месяц итьти, моремъ все то хождение. А от Чини да до Кытаа сухом месяць, а морем четыре дни ити <...> Мачимъ да Чимъ от Бедеря 4 месяца моремъ итьти, а тамъ же дѣлають чими, да все дешево* [5. С. 20, 22]. Л.И. Думан в предисловии редактора к книге *Первые русские дипломаты в Китае* пишет, что более века спустя в России еще считалось, что Китай и Индия располагаются на территории современной Западной Сибири в верховьях реки Оби, а Ледовитый океан – в устье Енисея, через которое можно попасть в Китай [6. С. 3–4]. Немногим больше информации в *Росписи, куды путь конной от Яицкаго города х Китайскому царству*, отнесенной ее издателем к середине XVII в.: *От Яицкаго же города до бухарского же города Самархани конной гъзды пол-2 недели. От Самархани до бухарского города Водокшани 1 недѣля. Тут камень лал добывает. А от Водокшани до Китайскаго царства скорою гъздою 3 месяца. И всего от Яицкаго города до Китайскаго царства гъзду 15 недель, а вьюками будет вдвое. А и ближе того есть иной путь к тому же Китайскому царству степью, и тем путем проехать невозможно, потому что в тех степях кочуют калмыки, и татаровя, и иные многие кочевные люди* [2. С. 230].

И только благодаря отчетам посланников были получены первые достоверные сведения о Китае и дороге туда через Сибирь, что историки связывают прежде всего с именами Ивана Петлина, Федора Байкова и Николая Спафария [6. С. 4]. Каждый из этих отчетов, неся новую для того времени информацию о чужих краях (недавно колонизированных сибирских территориях с далеко не всегда мирным коренным населением, пространствах кочевых монголов, китайских землях), расширял русскому средневековому обществу пределы известного мира. Из подсказываемых содержанием статейных списков возможных аспектов лингвистического исследования материала одним из наиболее интересных представляется изучение восприятия всего нового, незнакомого, иноземного русским человеком того времени¹, которое сопровождалось формированием отдельных терминосфер языка: дипломатической, военной и административной [8–13], искусства [7, 14, 15], некоторых групп бытовых слов [16, 17], а также развитием лексической системы языка в целом [18, 19]. В частности, на материале трех отчетов о поездках в Китай (томского казака И. Петлина, воеводы Ф.И. Байкова, опытного дипломата Н.Г. Спафария-Милеску) О.А. Казакевич (Слугиной) были выделены наиболее актуальные для каждого из посланников денотативные зоны номинации неизвестного, определяемые их личностными характеристиками (социальным происхождением, родом занятий, уровнем образования и знаний о Китайском государстве и др.) [20].

¹ Так, А. Болек пишет о дипломате А. Матвееве на основе его «Записок»: «Русский посол оказался не только тонким и любознательным наблюдателем, но и человеком, понимающим и осмысляющим увиденное» [7. С. 94].

В число тем, значимых для данного жанра источников, включаемых специалистами в русскую литературу путешествий (не случайно Д.С. Лихачев называл статейные списки «повестями послгов» [21. С. 319]), входит также тема дороги, географического пространства, многоаспектно представленная в научной литературе, в том числе на диахронном материале. Поскольку первыми к ней обратились специалисты по древнерусской литературе, основное внимание они сосредоточили на литературных жанрах. Так, идеи Ю.М. Лотмана о средневековом представлении пространства¹ были развиты в серии работ С.Н. Травникова на основе *Пелгримации* Ипполита Вишенского [23–25], статья Р.И. Мальцевой и Г.А. Абрамовой, источник которой – хождения игумена Даниила и Афанасия Никитина [26]. В частности, С.Н. Травников указывал: «Одним из главных жанрообразующих элементов путевых записок был мотив дороги. Все, что видел паломник, принадлежало пространству «путного шествия» в Святую землю и обратно. Хождение как жанр рождается дорогой и поэтизирует дорогу» [25. С. 128].

Из лингвистических работ выделяется исследование В.В. Колесова, посвященное определению «первосмысла концепта дорога», построенное на этимологии и ранних значениях синонимов *дорога, путь, тропа, стезя*. Словарные материалы, в которые вошла и литература путешествий, позволили ученому сделать вывод о доминанте этого ряда: «В конечном счёте можно сказать, что Дорога – самое общее обозначение конкретной полосы земли, расчищенной для движения как свободного пространства («дорогу мять»), а также движения по этой полосе (соответствует Пути: «отправиться в путь» по чьим-то следам), направления движения (соответствует дорожная Тропа) и цели такого движения (в соответствии со Стезёй: стёжки-дорожки, «стезя его жизни», «жизненная стезя»)» [27. С. 1209]. На основе данных исторических словарей Е.В. Ивановой восстановлен лексико-фразеологический состав («вербализаторы») ядерной зоны концепта «Странствие» [28]. Ею же выявлены единицы измерения расстояния в хождениях игумена Даниила и А. Никитина и проведен их сравнительный анализ [29].

Опыт предшественников, в том числе работающих на современном языковом материале [30], был учтен в анализе представления незнакомых пространств в одном из посольских отчетов XVII в.

Материал и методология исследования. Источником для настоящего исследования описания маршрута посольства и всего встреченного на пути из «сибирской украины» в Китай послужил статейный список Ф.И. Байкова, возглавившего посольство в эту страну в 1654–1658 гг. Выбор материала обусловлен его лингвистической содержательностью и информационной – как наиболее отвечающий теме исследования: низкий уровень

¹ «Движение в географическом пространстве становится перемещением по вертикальной шкале религиозно-нравственных ценностей, верхняя ступень которой находится на небе, а нижняя – в аду» [22. С. 239].

знаний о территории маршрута и конечном его пункте, достаточно большой текст описания пути – около четверти от объема статейного списка. Именно перед посольством Ф.И. Байкова были поставлены задачи *однолично проведать всякими мерами накрепко многими ведущими людьми до пряма*, «в Китайское государство от государевы отчины от Сибири на которые земли и улусы или кочевья ходить податнее <...> и сухим ли путем, или водяным, или горами, и сколько от которого города до которого города или от улуса до улуса верст, или милей, или днищ, и на чом сухим путем ходят – на лошадях ли или на велбудах, и сколько от которого города за провоз найму со вьюка дают, и в которой китайской украинной город из улусов или ис каких мест ни буди приезжают, и Китайскою землею от украинного города до стольного города Канбулука сколько недель или дней переезжают, и сколько в Китайском государстве от которого города и места до которого города ж и места дорогою верст, или миль, или днищ считают, и на одно ли место и города в Китай дорога лежит или розные дороги, и будет розные, и которую дорогою ближе и безстрашно, и какие люди по дороге меж Сибири и Китайского государства живут <...> А проведая про тое про все достаточно, написати в статейной список подлинно по статьям порознь, всякую статью имянно» [6. С. 162].

Данный наказ обусловил содержание отчета, представленного в двух списках – Тобольском (создан между 31 июля 1657 г. и 16 марта 1658 г.) и Московском (создан позднее августа 1658 г.) [6. С. 113–145]. Варианты текста (далее Б1 и Б2), совпадая в значительной степени, различаются записями, наличествующими в одном и отсутствующими в другом, а также разной степенью детализации некоторых описаний, что позволяет им дополнять друг друга, повышая тем самым информационность источника. В частности, только в Московском списке указано, что при возвращении из Китая посольство изменило маршрут: *А ис Китайского царьства из города Канбалыка шел посол не тою дорогою, которую шел в Китайское царьство* (Б2: 134). Иллюстрацией разной степени содержательной насыщенности записей могут служить, например, следующие отрывки отчетов:

Тобольский список (Б1: 116–117)

А от ламы степью от Иртыша на правую сторону до камня ходу 6 дней. А итти все степь пустая, лесу и воды нет и улусов калмыцких нет же. А горами ходу до степи 2 дня. А в горах улусы калмыцкие многие кочевные Аблая-тайши. А лес в горах в камению березник и осинник. А от гор каменных степью до аблаевых пашенных бухарцов ходу неделя. А в степи калмыки аблаевы кочевные ж. Степь голая, лесу нет, кроме товоложника.

Московский список (Б2: 73 об.)

А от лабы и от реки Иртыша на правую сторону до аблаевых пашенных бухарцов ходу 2 недели. А итти меж гор каменных. В горах улусы калмацкие многие кочевные Аблая-тайши. А в горах лес березник и осинник, а где гор нет, в таких местех и лесу нет, кроме товоложника да карагальника, и водою скудно.

Ходом исследования выявлялись параметры маршрута, характеристики движения посольства и точек его локализации, языковые средства репре-

зентации незнакомого пространства и перемещения в нем – модели номинации и их лексическое наполнение. Заявленные задачи входят в круг проблем ономазиологии в целом и вопросов номинации неизвестного, иноземного, инокультурного в частности.

Результаты исследования. Слово *дорога* в статейном списке полисемично: 'место движения' – *Пора зимняя, людей близко **дороги** нет, все откочевали в горы на кормные места* (Б2: 134); 'маршрут, направление движения' – *А шел иною **дорогою** меж Мугальские земли и Бухарские* (Б2: 134); 'поездка, передвижение' – *Только на **дорогу** корму дано послу по цареву указу 3 барана* (Б2: 134). Краткость контекстов позволяет в большинстве из них усмотреть «букет» сближенных на основе метонимического переноса значений (движение – его место, маршрут, время) – *прислал де ты от себя с **дороги** человека своего в Канбалык* (Б1: 143), что, например, встречается в частотных конструкциях *едучи / идучи дорогою* – *А **едучи дорогою**, в городех и в деревнях провожатые харчу купить не давали, а пристальных верблюдов и лошадей, дорогою идучи, метали* (Б2: 134). Близкое по семантике *дороге* слово *путь* встретилось единожды – в устойчивом сочетании, обозначающем место и способ передвижения: *А от города де от Канбалыка до Старых Китай **сухим путем** ходу на верблюдах 2 месяца* (Б2: 134). Поскольку одним из значений *дороги* выступает 'передвижение', синонимом ему может служить лексема *ход*: *А **ход** был самой нужной, снеги выпали большие, и морозы были великие, скоту кормов не было, верблюды и лошади з голоду и от стужи помирали* (Б2: 135–136).

Анализ показал, что описание дороги включает указание: 1) на точки маршрута (начальную, конечную и промежуточные) – с обозначением их признаков и/или уточнением расположения в пространстве или без таковых; 2) расстояния между опорными пунктами маршрута; 3) сам факт перемещения, его способа, направления, места движения, а также его условия.

Так, на пути следования посольства из сибирского города Тобольска до китайского города Канбалыка (Пекин) в качестве ориентиров указаны различные объекты, природные и рукотворные. Их номинация идет по модели нарицательное имя, выражающее родовое понятие объекта, + аппеллятив, грамматическая форма которого определяет его позицию в сочетании: *Ишимский острожек, Ермакова перекоть, Ямышьево озеро, город Баян-Суму, речка Бешка, камень Калма*, хотя и здесь изредка возможны вариации: *река Ишим* – *Ишим-река, от Каурдацкаго острожку <...> до острожка Тебендинскаго* (Б1: 115). При этом идентификация по родовому признаку не допускает наименования города *городком*, реки *речкой* и наоборот¹: *от устья **реки** Оми до **речки** Ачаеру* (Б1: 115). Городами называются крупные поселения, русские и иноземные, городками – только иноземные, острожками – небольшие укрепленные поселения русских *служби-*

¹ Единственный пример разночтений – *речка / река Тюл(ь)ка* (Б1: 116), что можно принять за опisku или ошибку прочтения (Ч в этой позиции всегда выносное в памятниках).

лых – для оберегания от калмыков / калмыцких людей (Б1: 115/116), улусами – стойбища калмы/ацкие и му(н)гальские, юртами – татарские населенные пункты. Например, даже короткие контексты позволяют однозначно определить *таран* как поселение хлебопашцев около стойбищ князей [6. С. 151]¹: *И Аблай-тайша Федора Исаковича Байкова с государевою казною поставил на своих пашнях в бухарских глиняных избах <...> А от пашенных бухарцов Федор Исакович Байков покочевал с государевою казною с Аблаем-тайшею из тарану апреля в 3 день* (Б1: 119). Ср. описание обратного пути: *К Аблаевым пашенным бухарцом в таран пришел Федор того ж 165 году марта в 4 день* (Б1: 145).

Без названий объекты упоминаются единично: *А на устье той реки Иишма стоит острожек* (Б1: 115); *озеро соляное, соль в нем добре чиста, и бела, и сладка* (Б1: 121), что прежде всего характеризует указания на поселения тюрко-монгольских народов: *А от того камени до контайшина городка ходу 3 дня.* (Б1: 121); *А от Белых Вод пошел к Аблаю-тайше в улус* (Б2: 117). Данный факт служит показателем чужеземья и неосвоенности его именника. На это же указывает широкое формальное варьирование иноязычных названий: *Канбалы* (Б2: 133) / *Калбалык* (Б1: 123) / *Канбалык* (чаще всего, повсеместно); *Кабан-Гусан* (Б1: 116) / *Кабал-Гасун* (Б2: 72); *Долон-Карагай* (Б1: 116) / *Доло-Карагай, Далан-Каргай* (Б2: 72 об.); *Эн-куль* (Б1: 116) / *Эн-куль* (Б2: 72 об.); *Карбуга* (Б1: 117) / *Карбугай* (Б2: 74 об.) и т.д. Примечательно, что варианты ойконимов, называющих населенные пункты с российским служилым населением, соответствуют типизированным модификациям имени того времени: *А стоит тот город Тарской от реки Иртыш с полверсты, а под городом под Тарою течет речка небольшая, имя ей Аркарка* (Б1: 115), то же – *Тоболеск – Тобольск* (Б2: 71). При обычности употребления топонима-определения при нарицательном имени возможны иные способы указания названий: *речка невелика, имя ей Карбугай* (Б2: 75); *а зовь тому озеру калмацким языком Кизыл-баш* (Б2: 110); *тому месту зовь калмацким и мугальским языком Булуган* (Б2: 109); *Кабал-Гасун – калмацким языком, а по-русски «полата кирпичная»* (Б2: 72 об.); *Далан-Каргай – калмыцким языком, а по-русски – «стоят семь сосен»* (Б2: 73); *от тех мунгальцов до Саахану ходу 2 недели 5 дней; по их калмыцкому языку «до добрых кормов и вод»* (Б1: 122). Типичность подобного способа представления иноязычных названий подтверждается и материалом хождений [25. С. 124].

В идентифицирующую часть наименования топообъектов вполне объяснимо входит этнонимное определение: мечеть *калмыцкая*, юрты *татарские*, пашни *китайские*, город *бухарский*, калмыки *му(н)гальские*, земли *Бухарская, Мугальская, Китайская*, а также *Китайское царство* и *Старые*

¹ В Словаре русского языка XI–XVII вв. у слова указано лишь значение 'стенбитное орудие' [31. Вып. 29. С. 216], что еще раз свидетельствует о высокой степени лингвистической содержательности источника, уточняющего лексические данные языковой системы середины XVII в.

Китай, см.: *Китайское царство перед Старыми Китайми нет и четвертой доли* (Б2: 123). Соответственно, этапы маршрута маркируются названиями народов, через земли которых пролегал путь посольства: *А от гор каменных степью до аблаевых пашенных бухарцов ходу неделя* (Б1: 117); *А от тех китайских пашен до мунгальцов ходу день* (Б1: 121). Особо значимыми в этой связи становятся указания на рубежи владений, чему служат выделенные лексические средства: *А от того тайши до последнего мугальского Доброна-тайши ходу 3 недели. А кочует тот Доброн-тайша от китайского рубежа, а от него до Китайские земли ходу 15 дней* (Б2: 108); *А от Абуги до первого китайского города до Кокочотану кочевьем ходу 2 недели 5 дней* (Б1: 123); а также *заставной город Капка, украинные города* (Б1: 141). На принципиальную значимость подобного рода характеристики в описании иноземного пространства указывал также исследователь *Пелгримажи* И. Вишенского [25. С. 123].

Информация характеризующего типа разнообразна и зависит от типа объекта описания. Например, для населенных пунктов важным является указание на материал построек: *городок глиняной* (Б2: 107); *А город Кокочотан земляной, башни кирпичные* (Б1: 124); *А города кирпичные, а иные глиняные* (Б1: 126); *А на том месте поставлен город каменной, выкрашен краскою красною* (Б1: 127); *делает город, а про то подлинно неведомо – каменной ли или деревянной, а лесу навожено много* (Б1: 119). Для водоемов значимо указание на качество воды, наличие в них рыбы: *А калмаки сказывают: рыбы де в том озере много, вода в том озере пресная, зелена* (Б2: 75); *А течет та речка весною и летом с землею* (Б1: 118); *А воды в Канбалыке гораздо нездоровы* (Б1: 139); *озеро небольшое, а вода в нем красна, что кровь* (Б2: 127). В местах проживания на реках также отмечаются постройки: *И мельницы на той речке поставлены, а мелют в них весною* (Б1: 118); *А через реки деланы мосты каменные, камень дич, а деланы мосты добре затейчиво* (Б1: 126).

Ландшафтные характеристики во многом ожидаемые: горы – *каменные, высокие / невысокие*, иначе – *камень*, степь – *голая, пустая*, займища *пойма*, заполняемая время от времени водой [31. Вып. 5. С. 204] – *великие*, лес – *местами* и др.: *А перешед тот камень, степь голая* (Б1: 121); *ити все меж гор каменных, горы добре высоки, а снега велики не сходят* (Б1: 122); *А лес и трава займищами* (Б2: 107). В описании многократно упоминаются леса: *А от Долон-Карагаю по левой стороне реки Иртыша лес сосняк, и ельник, и кедровник, и березник, и до лабы. А по правой стороне реки Иртыша, а в займищах лес тальник и тобольник* (Б2: 73); *А лес в горах в камению березняк и осинник* (Б1: 117). В этой группе обращает на себя внимание суффиксальное (*дубник – дубняк, березник – березняк, сосник – сосняк – сосняг*) и фонетическое (*топольник – тобольник*) варьирование имен – как результат уже давней номинативной конкуренции в языке, контрастирующее с номинацией новой для русских реалий: ... *лес небольшой, называют его соскоул, растет невысоко, а дерево тяжело, а на огне горит, что дуб, топко* (Б1: 121). Встретившееся в отчете карагаль-

ник вошло в Сл. РЯ XI–XVII вв. в значении ‘тип кустарника’ с единственным контекстом – из более позднего статейного списка Спафария (1675 г.) [31. Вып. 7. С. 71]. Таким образом, указание С.Н. Травникова, что писателей-путешественников в описании природного мира привлекали прежде всего необычные, «экстраординарные» для русского глаза реалии [24. С. 119], верифицируется и нашими материалами.

Ландшафтные описания дополняются указанием народов, населяющих места, через которые шел отряд. Это доказывается фактом размещения информации о населении, как правило, в рематической части предложения: *А на той речке Телмир-Чюрге живут бухарцы паишенные контайшинных детей* (Б1: 120); *А живут в том городке лабы калмацкие, а по-русски попы* (Б2: 107); *В горах улусы калмацкие многие кочевные Абляя-тайши* (Б2: 73 об.); *А в степи калмыки аблаевы кочевные ж* (Б1: 118). Если высказывание имеет продолжение, новая рематическая часть содержит уже разнобразную информацию о занятиях, языке, вероисповедании, внешности и других особенностях народа, что удалось узнать проезжающим: *А прошед то место, живут мунгальцы, людишка добре худы, а житье их самое нужное* (Б1: 121); *А в том китайском городе Кококотане живут тьюбейцы, язык у них мунгальской, а воеводы в том городе два, посылаются из Калбалыка* (Б1: 123); *А родится у них пшеница и ячмень, просо и горох, и скота всякого много* (Б1: 120); *молятся болваном... едят всякой гад* (Б2: 129) и др.

Такую характеристику объектов, как размеры, выражают:

- суффиксы со значением уменьшительности (*озерко, речка, городок*);
- прилагательные соответствующей семантики (*дол великой, речка невелика / небольшая, город мал, горы добре высоки*), например: *А земля Мунгальская велика и людна. А хоромы деланы niskие, кроме царевых хором. А царев двор зделан велик, хоромы высокие* (Б2: 124);
- сравнительные конструкции: *а озеро то величиною подобно Переславля Залескаго* (Б1: 121);
- метрическая лексика: *А про город Канбалык сказывают китайцы и мугальцы в длину и поперег по 40-у верст* (Б2: 123); *А стена высока, сажени в 3 печатных, а поперег сажени в полторы* (Б1: 125-126);
- время движения (о территориях): *поперег того камени ходу полднища* (Б1: 121).

Локализация описываемых объектов для каждого из видов осуществляется типовыми (регулярными) языковыми моделями, отличаясь внутри модели разной степенью распространенности описания. Так, о поселениях говорится: *А стоит тот городок в niskом месте меж гор* (Б2: 107); *Стоит тот город в niskом месте в долу, дол великой, а окол его горы каменные <...> В окол того города все паишни* (Б2: 110); *а ставит тот город промеж гор каменных* (Б1: 120), о том же: *а делает те полаты в крепком месте меж гор каменных* (Б2: 107). И если поселение расположено НА реке, то лес – ПО реке, ср.: *А на устье тоя реки Вагаю юрты татарские <...> а стоит тот острожек на край реки Иртышу* (Б1: 114);

а на устье той реки Ишима стоит острожек (Б1: 115) – *А лес по той речке березник, и тальник, и черемошник* (Б1: 119); *А лес по речке топольник мстами* (Б1: 120). Таким образом в первом случае фиксируется факт локализации рукотворного объекта, а во втором – направление расположения протяженного природного объекта по отношению к водоему.

Перемещение от точки к точке маршрута передается в статейном списке посредством немногочисленных глаголов движения, что объясняется небогатым перечнем возможных способов передвижения: идти, ехать, плыть. Их приставки, вкупе с управляемыми глаголами предложными конструкциями, уточняют локализацию движения посольского отряда в пространстве: *А как въехали в город Канбалык в первые ворота... А проехав ворота...* (Б1: 128); *А переходил тою иртышскую вершину поперег* (Б1: 121); *и Федор Исакович Байков отишел от Канбалыка 9 дней, проишед город Баян-Суму, стал на ночь, а до крайнева заставного города Капки не доишел за день* (Б1: 143); *ты сишел с того места, с которого посылал человека своего в Канбалык, и ушел за последней город* (Б1: 144) и др. Помимо глагольной семантики (*идти, ехать, плыть*), способ передвижения выражается обстоятельством образа действия: *А к Бельм Водам приишел Федор Исакович Байков судами* (Б1: 115); *До города или кочевьем* (Б1: 123); *И Федор Исакович Байков пошел <...> на своих лошадях и на верблюдах* (Б1: 125).

В описании движения легко вычлняются этапы последнего, поскольку по достижении промежуточной цели похода всегда следовала остановка в пути, что предопределило циклический характер записей. В общем виде перемещение может быть передано схемой: ПОШЕЛ (куда? / откуда? когда?) – ШЕЛ (куда? / сколько?) – ПРИШЕЛ (куда? когда?) – СТОЯЛ / БЫЛ / ЖИЛ (где? сколько?), а затем новый цикл записи: ПОШЕЛ и т.д.: 1) *...покочевал <...> из тарану апреля в 3 день. И шел Аблай-тайша до речки Дюнму-дун кочевьем 9 дней. А на Дюнму-дун приишли кочевьем апреля в 7 день. <...> А стоял на той речке Аблай-тайша 3 недели. А с той речки покочевал ...* (Б1: 119); 2) *А с Тары поплыл судами по реке Иртышу вниз к городу Тобольску июля в 22 день. А с Тары плыли судами до Тобольска 9 дней. В Тобольск приплыл Федор 166 году июля в 31 день* (Б1: 146). Или: 3) *И посол пошел к городу Кококотану. Под город приишел 164 году генваря во 12 день. Под городом стоял за провожатыми 8 дней* (Б2: 109); 4) *К Аблаю-тайше в улус поехал <...> от пашенных его бухарцов генваря в 17 день. А к Аблаю-тайше в улус приехал того ж числа <...> А у Аблая-тайши в улусе был Федор Исакович Байков 2 дня. А от Аблая-тайши поехал ...* (Б1: 119).

Место движения (где?), во многом дублируя ландшафтные характеристики маршрута, передается обстоятельством при глаголах движения или существительном *ход* следующим образом:

1) творительным локативным имени – *А горами ходу до степи 2 дня* (Б1: 118); *А от ламы степью <...> до камени ходу 6 дней* (Б1: 117); *пошел <...> рекою Иртышем* (Б2: 71 об.); *А Китайскою землею <...> ходу 2 месяца* (Б2: 108); *сухим путем* (Б2: 134);

2) предложными локативными конструкциями – *А итти меж гор каменных* (Б2: 73 об.); *через камень ходу 2 дня* (Б1: 120); *идти меж гор*; *А ход <...> все меж камени* (Б2: 108); *а ити в сем же камени* (Б1: 123); *кочуют они на реке Иртышу* (Б2: 107);

3) совмещением конструкций – *степью меж гор* (Б1: 121); *итти Калмыками и Мугалами все меж камени* (Б2: 108).

Координатами движения единично выступает сторона света: *А речка <...> течет на запад* (Б1: 124), во всех остальных случаях – такие категории обыденного сознания, как «право» – «лево», «верх» – «низ»: *Иртыш остался в праве, вверх пошел в розсыть мелкими речками* (Б1: 121); *остались те города в левой руке* (Б2: 135). При этом главным географическим ориентиром на значительной части пути стал Иртыш: *А стоит тот город Тарской от реки Иртыш с полверсты* (Б1: 115); *А живет тут калмыцкой лама подле Иртыша на левой стороне* (Б1: 117); *А сквозь то озеро прошла река Иртыш* (Б2: 107); *А стоит тот острожек на край реки Иртышу на правой стороне* (Б1: 115); *А по правой стороне Иртыша от степи приходили займища великие* (Б1: 118). Прежде всего его русло служило важнейшей осью координат при локализации рек и речек, впадающих в Иртыш, о чем сообщается двумя способами – с указанием направления истока и места устья (модели 1, 2) или же только одной из этих характеристик (модели 3, 4) – с некоторыми вариациями языковых средств их выражения:

1) ТЕЧЕТ / ВЫПАЛА (откуда? – куда?): *А течет та речка Бешка из камени в Иртыш* (Б1: 120); *течет та речка ис камени к-Иртышу* (Б2: 107); *А выпала та речка Эн-куль ис камени в-Иртыш* (Б2: 72 об.);

2) ТЕЧЕТ / ВЫПАЛА (откуда?) – УСТЬЕМ ПАЛА (куда? / с какой стороны?): *А течет та речка Дзонму-дун из камени, устьем пала в Иртыш* (Б1: 119); *течет та речка из камени, устьем пала в Иртыш с правой стороны* (Б1: 118); *А выпала та речка Чогуляк из камени, устьем пала в Иртыш с правую сторону* (Б1: 119);

3) ТЕЧЕТ / ВЫПАЛА (куда? / с какой стороны? / по ходу в каком направлении?): *А течет та речка Кара-Кучир к Иртышу* (Б1: 120); *А выпала та речка Алач в Иртыш с правой стороны* (Б1: 116); *А выпала та речка Атмас в Иртыш, вверх идучи, с левой стороны* (Б1: 116); *Выпала та река Муя, по Иртышу идучи вверх, с левой стороны* (Б1: 115); *А выпала та речка Тюлка, вверх идучи по Иртышу, с правой стороны* (Б1: 116);

4) ТЕЧЕТ / ВЫПАЛА (откуда? / с какой стороны?): *А выпала та речка Эн-куль из камени* (Б1: 117); *А выпала та река Камышилов с правой стороны <...> А выпала та река Омь с левой стороны* (Б1: 116).

Этими же моделями, но с несколько иными лексическими средствами, идет привязка к местности Иртыша и не связанной с ним реки Хуанхэ: *А ис того места вышла река Иртыш* (Б2: 108); *а имя той реке Хатунь, а вышла она из Бухарской земли, а впала она в море* (Б2: 137).

Такая значимая характеристика дороги, как расстояния между объектами, описывается в статейном списке с опорой на две единицы измерения:

версты и время пути – при явном преобладании второго способа номинации. В первом, значительно более редком случае препозиция существительного с предлогом *С* по отношению к числительному свидетельствует о приблизительности данной величины: *А от камня ходу до озера верст с 20* (Б1: 120); *недошед до Канбалыка с полверсты* (Б1: 127); *А городом Канбалыком шли до того двора, где поставили посла, версты с 3* (Б2: 117). О времени нахождения в дороге сообщается моделями: 1) ШЛИ / ХОДУ (сколько?); 2) ПОШЛИ (когда?) – ПРИШЛИ (когда?); 3) их совмещением. Первая – самая частотная, в ней используются названия временных отрезков (*А от тех мунгалыцов до Саахану ходу 2 недели 5 дней* (Б1: 121); *кочевьем ходу месяц* (Б2: 135) и др.), а также специальная лексема *днище* и ее производные – расстояние, проходимое за день, равное дневному переходу [31. Вып. 4. С. 251] (*а от бухарских городов от Камыла и от Турфана шли во днище* (Б2: 134); *А от Ермаковы перекопи до реки Вагаю ходу полднища* (Б1: 114))¹. Вторая модель редка и еще менее точна в определении расстояния, поскольку в указанный промежуток времени входят и «простойные дни»: *А от пашенных бухарцов пошел к Аблаю в улус апреля в 4 день. А на речку Бешку к Аблаю-тайше пришел майя в 11 день* (Б2: 135)². Этот способ указания на расстояние обычно включает и первый: *А с речки Чару пошел Аблай-тайша майя в 18 день. А от речки Чару до речки Бешки ходу 3 дня. А на речку Бешку пришел Федор Исакович Байков с Аблаем-тайшею майя в 21 день* (Б1: 120).

По сути, все отмеченные характеристики пути составили условия движения – его лишения и опасности. Надо полагать, что в числе труднейших испытаний дороги была ее *незнаемость*, степень последней была существенно снижена дорожной частью отчета Ф.И. Байкова. Через 20 лет этим маршрутом пойдет посольство Н.Г. Спафария, в статейном списке которого подтвердятся и частично уточнятся характеристики пути, данные его предшественником.

Выводы. XVII в. явился началом великой эпохи в истории России – временем географических открытий, возникновения и последующего развития и укрепления дипломатических отношений, вызвавших развитие ряда жанров делового письма. Важное место среди них занимают дорожники и статейные списки, взаимодополняющие и влияющие друг на друга – как в плане структуры, содержания, так и языка. В частности, к их общим жанрообразующим чертам относятся документальность, объективность изложения информации, выражаемые счетными словами и единицами измерения вообще, однотипный характер построения предложений, союзное нанизывание, наличие языковых клише, параллелизм в построении текстов в целом. Отсутствие полноценных дорожников для Китая

¹ Несмотря на фиксацию слова в Лаврентьевской летописи под 1185 г., такое обозначение расстояний в текстах проанализированных Е.В. Ивановой хождений не отмечено [29].

² В данной записи опущено указание о стоянке в 10 дней в улусе Аблая-тайши (Б1: 145).

обосновало наказ Ф. Байкову отыскать туда удобный и безопасный путь из Сибири и описать его, что и стало единственно выполненной посольством задачей. В свою очередь, лингвистическая содержательность источника определила тематику настоящего исследования.

В статейном списке отражено реально-историческое пространство, маркерами новизны которого, первичности знакомства с наполняющими его объектами в тексте стали:

1) прямые указания на неизвестность, неточность информации: *Иртыш <...> вверх пошел в розсыпь <...> а про то **подлинно неведомо**, из каких мест пошел (Б1: 120); А из[да]леча ль те стены ведены, про то **подлинно неведомо** (Б2: 132);*

2) ссылка на необходимость получения сведений от третьих лиц: *А вверх по той речке Таре, **сказывают**, 3 острожка (Б1:114); А ведена **де** та стена из-за Сукчей города за Китайское царьство до моря. А **сказывали** про то бухарцы, и калмыки, и китайцы (Б2: 111–112); А мунгальцов в том китайском городе в царстве немного, нет **де** и десятой доли, а китайцов **де** многое множество (Б1: 136);*

3) неосвоенность иноязычных номинативных средств представителями русской культуры, выражающаяся в их переводе, толковании (*а кап весом по пуду* – Б2: 74 об.), регулярном формальном варьировании, (*бакчи – бахчи, лама – лаба, мугалы – мунгалы, калмыцкий – калмацкий*), наиболее регулярно – у имен собственных.

Сюда же, вероятно, можно отнести случаи описания топообъектов без указания их названий, наличие особых языковых конструкций со значением приблизительности (*с полверсты*), что сложно структурируется в силу малочисленности примеров.

При описании новых земель с помощью особым образом оформленных языковых средств посланник использует известный ему культурный код номинации, что выражается, во-первых, в значительном числе конструкций сравнения (*А пашни у них **по-русски** – Б1: 124; а дни **перед нашими вдвое** – Б1: 123; снег был **невелик, только в коневье копыто** – Б1: 125) и соответствия (*А **лан их весу 10** золотников, а **русского весу 9** золотников – Б2: 110); во-вторых, в сообщениях о неоправдавшихся ожиданиях при осмотре чего-либо (*А **больших пушек** в тех городех **нигде не видали** – Б2: 115; а **ржи не видали** – Б1: 136). Последнее обстоятельство, предположительно, обусловило нередкие случаи характеризующего определения пространства и его объектов по принципу отрицания – через признаки отсутствия чего-л.: *А **итти все степь пустая, лесу и воды нет и улусов** калмыцких **нет же** (Б1: 116); а где **гор нет, в таких местех и лесу нет, кроме товоложника да карагальника, и водою скудно** (Б2: 73 об.).****

Предпринятую поездку Ф.И. Байков определил как *нужную*, имея в виду ее тяготы и лишения. С позиций нынешнего времени есть все основания назвать ее таковой и с точки зрения важности, необходимости в деле установления контактов с неизвестным и непонятым России и Европе юго-восточным государством.

Литература

1. *Петров В.А.* Географические справочники XVII в. // Исторический архив. 1950. № 5. С. 74–165.
2. *Зимин А.А.* Русские географические справочники XVII в. (из сборника в Собрании Московской духовной академии) // Записки отдела рукописей ГБЛ. Вып. 21. М., 1959. С. 220–231.
3. *Старикова Г.Н.* Посольские отчеты XVII в.: жанровое разнообразие, лингвистическая содержательность // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 1 (33). С. 51–65.
4. *Казакевич О.А.* Компилятивные жанры деловой словесности на основе литературы путешествий XVII в. // Казанская наука. 2021. № 5. С. 46–49.
5. *Хождение за три моря Афанасия Никитина.* 1466–1472 гг. 2-е изд., доп. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 282 с.
6. *Демидова Н.Ф., Мясников В.С.* Первые русские дипломаты в Китае («Роспись» И. Петлина и статейный список Ф.И. Байкова). М.: Наука, 1966. 160 с.
7. *Болек А.* К становлению терминов живописи в русском языке начала XVIII века (на материале «Записок» Андрея Матвеева) // *Studia Rossica Posnaniensia.* 2015. Vol. 40, cz. 1: 2015. P. 93–104.
8. *Сабенина А.М.* Лексика сферы дипломатических отношений в русском языке XVII в. (по материалам статейных списков русских послов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1971. 16 с.
9. *Волоскова А.В.* Дипломатическая лексика начала XVIII века : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1966. 17 с.
10. *Никитин О.В.* Деловой язык русской дипломатии XVI–XVII вв. (формальные и стилообразующие средства) // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. 2005. № 1. С. 8–89.
11. *Остапенко О.Г.* Сравнительно-сопоставительный анализ дипломатической и административной терминологической лексики (на основе документов дипломатических контактов России и Англии XVI–XVII веков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 20 с.
12. *Сергеев Ф.П.* Формирование русской дипломатической терминологии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1973. 56 с.
13. *Сороколетов Ф.П.* История военной лексики в русском языке. Л. : Наука, 1970. 382 с.
14. *Дробинина Д.П.* Из истории обогащения русской лексики (термины архитектуры, скульптуры, живописи) // Ученые записки Архангельского государственного педагогического университета. 1963. Вып. 13. С. 128–146.
15. *Хачатуров С.В.* Готическое архитектурное наследие в путевых записках петровского времени (доклад, прочитанный на Федоро-Давыдовских чтениях в 1999 г.). URL: <http://www.archi.ru/files/publications/virtual/hachaturov.htm> (дата обращения: 20.11.2013).
16. *Ледяева С.Д.* Очерк по исторической лексикологии русского языка. Кишинев : Штиинца, 1980. 109 с.
17. *Царанкина Л.В.* Обозначения английских экипажей в статейных списках русских послов // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2008. URL: <http://www.jurnal.org/articles/2008/fil126.html> (дата обращения: 30.04.2014).
18. *Валькова Д.П.* Лексика «Путешествия» П.А. Толстого: (К истории формирования словарного состава русского национального языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1965. 20 с.
19. *Шадрин М.Г.* Эволюция языка «путешествий» : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 65 с.
20. *Слугина О.А.* Номинативные сферы в обозначении неизвестного как проявление личностного начала (на материале статейных списков XVII в.) // Вестник Новосибир-

ского государственного университета. Сер.: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 9: Филология. С. 40–44.

21. Лихачев Д.С. Повести русских послов как памятники литературы // Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: Статейные списки. М.; Л., 1954. С. 319–346.

22. Лотман Ю.М. О понимании географического пространства в русских средневековых текстах // Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996. С. 239–249.

23. Травников С.Н. Особенности морского пейзажа в путевых записках конца XVII – начала XVIII века // Литература Древней Руси. М., 1986. С. 103–115.

24. Травников С.Н. «А еже где что выдѣхъ своима очима, вся сия написахъ...»: (Мир природы в «Пелгримации» Ипполита Вишенского) // Вестник славянских культур. Филологические науки. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/a-ezhe-gde-cto-vydeh-svoima-ochima-vsya-siya-napisah-mir-prirody-v-pelgrimatsii-ippolita-vishenskogo> (дата обращения: 10.07.2021).

25. Травников С.Н. «И шли горами каменными и ярами глубокими, тилко небо да земля...»: особенности изображения пространства в «Пелгримации» Ипполита Вишенского // Вестник славянских культур. 2017. Т. 43. С. 121–133.

26. Мальцева Р.И., Абрамова Г.А. «Пространство» и «время» в жанре путешествий // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2012. № 3. С. 42–46.

27. Колесов В.В. Путь-дорога // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманит. науки. 2017. Т. 159, кн. 5. С. 1200–1213.

28. Иванова Е.В. К истории формирования концепта «странствие» (по материалам исторических словарей) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 3 (45). С. 81–83.

29. Иванова Е.В. Наименования расстояний в «Хождении» игумена Даниила и «Хождении за три моря» Афанасия Никитина (как материал для исторического словаря) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 3. С. 388–392.

30. Волошина С.В., Толстова М.А. Репрезентация концепта «Дорога» в устных рассказах сибиряков // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 460. С. 16–28. DOI: 10.17223/15617793/460/2

31. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука: Азбуковник: Нестор-История, 1975–2015. Вып. 1–30.

From Siberia to China: Ways and Means of Localising Movement in an Unfamiliar Environment (Based on the State Report of Fyodor Baykov)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 73. 38–54. DOI: 10.17223/19986645/73/3

Olga A. Kazakevich, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Siberian State Medical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: o_slugina@mail.ru

Galina N. Starikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: gstarikova@yandex.ru

Keywords: state report, ambassador's report, China, 17th century, means and methods of nomination, route description.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-312-90028: Alien Reality in the Perception of Russian Medieval Man.

The article explores the description of the road from Tobolsk to China, presented in the report of 1657–58 by the Russian envoy Fyodor Baykov, whose task was to scout out a convenient and safe route to the neighbouring southeastern country. This medieval genre of business writing, which affirms the formation and development of Russian diplomacy, is called a state report (*stateyny spisok*). The markers of the novelty of the environment and the initial

familiarisation with its objects in the text of the article list are 1) direct indications of the unknown, inaccuracy of information: *Irtys' <...> vver'kh poshel v rozsyyp' <...> a pro to podlinno nevedomo, iz kakikh mest poshel* (B1: 120); 2) a reference to the need of obtaining information from third parties: *A vedena de ta stena iz-za Sukcheya goroda za Kitayskoye tsar'stvo do morya. A skazyvali pro to bukhartsy, i kalmyki, i kitaytsy* (B2: 111–112); 3) the lack of fluency of Russian culture representatives in foreign-language nominative means, which is expressed in their translation, interpretation (*a kap vesom po pudu* – B2: 74 rev.), regular formal variations (*lama – laba, mugaly – mungaly*), most commonly in proper nouns (*Karbuha – Karbuhay*), and so on. The analysis shows that the description of the road includes references to 1) route points (initial, final, and intermediate) with the designation of their characteristics and/or clarification of their location, or without them; 2) the distance between the control points of the route; 3) the very fact of movement, its method, direction, place of movement, and its conditions. The sources demonstrate the dependence between the nomination models and their lexical expression, and the type of the described object. For instance, when settlements are presented, the material of buildings (*kirpichnyy, glinyanny, derevyanny*), location (*mez' gor v nizkom meste*), river source and mouth locations, the nature of the water, the presence of fish, etc. are regularly described. When presenting new lands with the help of particularly structured linguistic means, Baykov uses an already familiar cultural code of the nomination. This is expressed, firstly, in a significant number of comparison constructions (*A pashni u nih po-russki* – B1: 124; *a dni pered nashimi vdvoe* – B1: 123) and correspondence constructions (*A lan ikh vesu 10 zolotnikov, a ruskogo vesu 9 zolotnikov* – B2: 110); secondly, in specific cases of characterisations of the definition of space and its objects by negation – through signs of the absence of something: *A itti vse step' pustaya, lesu i vody net i ulusov kalmytskikh net zhe* (B1: 116); *a gde gor net, v takikh mestekh i lesu net, krome tovolozhnika da karagal'nika, i vodoyu skudno* (B2: 73 rev.).

References

1. Petrov, V.A. (1950) Geograficheskie spravochniki XVII v. [Geographical reference books of the 17th century]. *Istoricheskiy arkhiv*. 5. pp. 74–165.
2. Zimin, A.A. (1959) Russkie geograficheskie spravochniki XVII v. (iz sbornika v Sobranii Moskovskoy dukhovnoy akademii) [Russian geographical reference books of the 17th century. (from the compendium in the Collection of Moscow Theological Academy)]. *Zapiski otdela rukopisey GBL*. 21. pp. 220–231.
3. Starikova, G.N. (2015) Emissaries' accounts of the 17th century: variety of genres, linguistic richness of content. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 1 (33). pp. 51–65. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/33/5
4. Kazakevich, O.A. (2021) Compilation genres of business writing based on the travel literature in the XVII century. *Kazanskaya nauka – Kazan Science*. 5. pp. 46–49.
5. Nikitin, A. (1958) *Khozhenie za tri morya Afanasiya Nikitina. 1466–1472 gg.* [A Journey Beyond the three seas. 1466–1472]. 2nd ed. Moscow; Leningrad: USSR AS.
6. Demidova, N.F. & Myasnikov, V.S. (1966) *Pervye russkie diplomaty v Kitae ("Rospis") I. Petlina i stateynyy spisok F.I. Baykova* [The first Russian diplomats in China ("Painting" by I. Petlin and the state report of F.I. Baykov)]. Moscow: Nauka.
7. Bolek, A. (2015) K stanovleniyu terminov zhivopisi v russkom yazyke nachala XVIII veka (na materiale "Zapisok" Andrey Matveeva) [On the formation of the terms of painting in Russian at the beginning of the 18th century (based on the "Notes" by Andrey Matveev)]. *Studia Rossica Posnaniensia*. 40 (1). pp. 93–104.
8. Sabenina, A.M. (1971) *Leksika sfery diplomaticheskikh otnosheniy v russkom yazyke XVII v. (po materialam stateynykh spisokov russkikh poslov)* [Vocabulary of the sphere of diplomatic relations in the Russian language of the 17th century (based on the state reports of Russian ambassadors)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

9. Voloskova, A.V. (1966) *Diplomaticheskaya leksika nachala XVIII veka* [Diplomatic vocabulary of the early 18th century]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
10. Nikitin, O.V. (2005) Delovoy yazyk russkoy diplomatii XVI–XVII vv. (formal'nye i stileobrazuyushchie sredstva) [The business language of Russian diplomacy in the 16th–17th centuries (formal and style-forming means)]. *Nauch. dokl. vyssh. shk. filol. nauki*. 1. pp. 8–89.
11. Ostapenko, O.G. (2015) *Sravnitel'no-sopostavitel'nyy analiz diplomaticheskoy i administrativnoy terminologicheskoy leksiki (na osnove dokumentov diplomaticheskikh kontaktov Rossii i Anglii XVI–XVII vekov)* [Comparative analysis of diplomatic and administrative terminological vocabulary (based on documents of diplomatic contacts between Russia and England in the 16th–17th centuries)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
12. Sergeev, F.P. (1973) *Formirovanie russkoy diplomaticheskoy terminologii* [Formation of Russian diplomatic terminology]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.
13. Sorokoletov, F.P. (1970) *Istoriya voennoy leksiki v russkom yazyke* [History of military vocabulary in Russian]. Leningrad: Nauka.
14. Drobinina, D.P. (1963) Iz istorii obogashcheniya russkoy leksiki (terminy arkhitektury, skul'ptury, zhivopisi) [From the history of the enrichment of Russian vocabulary (terms of architecture, sculpture, painting)]. *Uchenye zapiski Arkhangel'skogo gosudarstvennogo pedinstitutu*. 13. pp. 128–146.
15. Khachaturov, S.V. (1999) *Goticheskoe arkhitekturnoe nasledie v putevykh zapiskakh petrovskogo vremeni* [Gothic architectural heritage in the travel notes of Peter the Great]. [Online] Available from: <http://www.archi.ru/files/publications/virtual/hachaturov.htm> (Accessed: 20.11.2013).
16. Ledyeva, S.D. (1980) *Ocherk po istoricheskoy leksikologii russkogo yazyka* [Essay on the historical lexicology of Russian]. Kishinev: Shtiintsa.
17. Tsarapkina, L.V. (2008) *Oboznacheniya angliyskikh ekipazhey v stateynykh spiskakh russkikh poslov* [Designations of English crews in state reports of Russian ambassadors]. [Online] Available from: <http://www.jurnal.org/articles/2008/fill26.html> (Accessed: 30.04.2014).
18. Val'kova, D.P. (1965) *Leksika "Puteshestviya" P.A. Tolstogo: (K istorii formirovaniya slovarnogo sostava russkogo natsional'nogo yazyka)* [Vocabulary of P.A. Tolstoy's Journey Around Europe: (On the history of the formation of the vocabulary of the Russian national language)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Leningrad.
19. Shadrina, M.G. (2003) *Evolyutsiya yazyka "puteshestviy"* [Evolution of the language of "travel"]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.
20. Slugina, O.A. (2011) Nominativnye sfery v oboznachenii neizvestnogo kak proyavlenie lichnostnogo nachala (na materiale stateynykh spiskov XVII v.). [Nominative spheres in the designation of the unknown as a manifestation of the personal principle (based on state reports of the 17th century)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya, filologiya – Vestnik Novosibirsk State University. Series: History and Philology*. 10 (9). pp. 40–44.
21. Likhachev, D.S. (1954) Povesti russkikh poslov kak pamyatniki literatury [Tales of Russian ambassadors as literary monuments]. In: Likhachev, D.S. (ed.) *Puteshestviya russkikh poslov XVI–XVII vv.: Stateynye spiski* [Travels of Russian ambassadors of the 16th–17th centuries: State reports]. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 319–346.
22. Lotman, Yu.M. (1996) *Vnutri myslyashchikh mirov: Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Inside Thinking Worlds: Man – Text – Semiosphere – History]. Moscow: YaSK. pp. 239–249.
23. Travnikov, S.N. (1986) Osobennosti morskogo peyzazha v putevykh zapiskakh kontsa XVII – nachala XVIII veka [Features of the seascape in travel notes of the late 17th – early 18th centuries]. In: *Literatura Drevney Rusi* [Literature of Old Rus]. Moscow: Moscow State Pedagogical Institute. pp. 103–115.
24. Travnikov, S.N. (2015) The World of Nature in "Pilgrimage" by Hippolytus Vyshensky. *Vestnik slavyanskikh kul'tur*. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/a->

ezhe-gde-chno-vyd-h-svoima-ochima-vsya-siya-napisah-mir-prirody-v-pelgrimatsii-ippolitavishenskogo (Accessed: 10.07.2021). (In Russian).

25. Travnikov, S.N. (2017) “And there were stone mountains and deep ravines, only the skies and the earth ...”: Features of the space portrayal in the “Pilgrimage” by Hippolytus Vyshensky. *Vestnik slavyanskikh kul'tur*. 43. pp. 121–133.

26. Mal'tseva, R.I. & Abramova, G.A. (2012) “Prostranstvo” i “vremya” v zhanre puteshestviy [“Space” and “time” in the travel genre]. *Vestnik Maykopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*. 3. pp. 42–46.

27. Kolesov, V.V. (2017) Along the Road. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanit. nauk – Proceedings of Kazan University. Humanities Series*. 159 (5). pp. 1200–1213. (In Russian).

28. Ivanova, E.V. (2014) K istorii formirovaniya kontsepta “stranstvie” (po materialam istoricheskikh slovarey) [On the history of the formation of the concept “wandering” (based on materials from historical dictionaries)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 3 (45). pp. 81–83.

29. Ivanova, E.V. (2011) Naimenovaniya rasstoyaniy v “Khozhdenii” igumena Daniila i “Khozhdenii za tri morya” Afanasiya Nikitina (kak material dlya istoricheskogo slovarya) [Names of distances in the “Walking” of Abbot Daniel and “A Journey Beyond the Three Seas “ by Afanasy Nikitin (as material for the historical dictionary)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 3. pp. 388–392.

30. Voloshina, S.V. & Tolstova, M.A. (2020) The representation of the concept “Road” in the oral stories of Siberians. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 460. pp. 16–28. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/460/2

31. Krivko, R.N. et al. (eds) (1975–2015) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th—17th centuries]. Vols 1–30. Moscow: Nauka; Azbukovnik; Nestor-Istoriya.